

ВАХИД ГАЗИ

Бейсбол на шахматной доске

Эссе, рассказы, статьи, путевые заметки

Вахид Гази

**Бейсбол на шахматной доске. Эссе,
рассказы, статьи, путевые заметки**

«Издательские решения»

Гази В.

Бейсбол на шахматной доске. Эссе, рассказы, статьи, путевые заметки / В. Гази — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939418-7

Проза Вахида Гази очень отличается от современного стиля. В ней смешаны жесты и чувства поэта, и субъективный взгляд на мир журналиста из провинции, который увидел, прочувствовал и понял мир за пределами Карабаха, Баку и Азербайджана, но корни которого остались там. Общественно-политические убеждения автора сквозят в каждой строчке, и они настолько искренни, что в них веришь безоговорочно. В его прозе смешиваются ирония и трагедия, как в самой хорошей литературе.

ISBN 978-5-44-939418-7

© Гази В.

© Издательские решения

Содержание

Отзывы	6
От редактора	7
«Озоновый человек»	7
Эссе из цикла «Следы памяти»	8
Елена	8
Берег «Лебединого озера»	14
Время лечит раны	18
Озоновые люди	21
Обезьянья диктатура	24
Пустая жизнь	26
Тоска по косуле в Ганзасаре	28
Эссе из цикла «Люди и книги»	30
Пазл-мозаика сломанных судеб	30
«Человек себя не знает, познал бы – испугался»	31
«Бог не знает, что такое быть маленьким человеком»	32
«Топор хозяина переживет...»	34
«Социализм кончился. А мы остались»	35
Привет, Гульсары!	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бейсбол на шахматной доске

Эссе, рассказы, статьи, путевые заметки

ВАХИД ГАЗИ

© ВАХИД ГАЗИ, 2018

ISBN 978-5-4493-9418-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевод с азербайджанского Ниджата Мамедова

Редактор: Эльчин Шихлинский

ОТЗЫВЫ

«Проза Вахида Гази очень отличается от современного стиля. В ней смешаны жесты и чувства поэта, и субъективный взгляд на мир журналиста из провинции, который увидел, прочувствовал и понял мир за пределами Карабаха, Баку и Азербайджана, но корни которого остались там. В его прозе смешиваются ирония и трагедия, как в самой хорошей литературе». **Ирена Ласота**

«Вахид Гази – человек Перя, если понимать Слово в его Божественном предназначении, а именно: нотки ностальгии в его рассказах, призванные крепить в душе человека добро и отзывчивость, утверждать справедливость и правду, чувство человеческого достоинства...» **Чингиз Гусейнов**

«Общественно-политические убеждения автора книги сквозят в каждой строчке, и они настолько искренни, что в них веришь безоговорочно. Такое возможно, лишь когда становишься соучастником описанных в книге событий. Именно это и произошло со мной...» **Рустам Ибрагимбеков**

«Книга Вахида Гази интересна и по содержанию и по диапазону. В «Чамайре» автор ярко и проникновенно передает своеобразную и непростую атмосферу в которой живут люди на Кубе. Обезьяны в копенгагенском зоопарке возбуждают у автора размышления о том, что есть люди на свете, которые «все еще живут в обществах, похожих на обезьянью диктатуру». **Стейнар Гил**

От редактора

«Озоновый человек»

«

Порой дружишь с человеком долгие годы и тебе кажется, что знаешь его достаточно хорошо. И что он не в состоянии удивить тебя. Он у тебя как на ладони...

С автором, я знаком достаточно давно. Знал его как журналиста и талантливого публициста, но Вахида Гази как человека кажется узнал лишь сейчас, по прочтении его «Озоновых людей». Казалось бы ничего особенного, автор собрал когда-то написанные путевые заметки, воспоминания, публицистические материалы и решил издать книгу. Так поступают многие, но не всех читаешь буквально на одном дыхании. В книге собраны материалы, не имеющие друг к другу никакого отношения, точно также как и их герои. И все же углубившись в чтение Вас не покидает ощущение цельности повествования и Вы даже не обращаете внимание, как из знойной Гаваны вдруг попадаете в зимний Киев, а оттуда уносите в прекрасный Карабах, с его журчащими источниками и могучими горами, где погружаетесь с головой в беззаботное детство, которое уже никак не вернуть, как и не вернуть дорогих сердцу людей, давно покинувших этот бранный мир.

Чувство же цельности полностью заслуга автора, который буквально за руку переносит Вас из одного мира в другой. Хотя этот мир всего лишь один... и он его, автора. Однако, он впускает Вас туда и постепенно становится ясным, что этот его мир уже и Ваш. И Вы не просто сопереживаете, а живете вместе с ним.

Спасибо автору Вахиду Гази, что открыл мне свою душу, рассказал о себе, о своем восприятии мира и объяснил почему находясь далеко за пределами своей родной земли не перестает быть ее сыном.

«Интеллигенция, сформированная из людей с общественной совестью, озоновая прослойка общества. Иммунитет народа и общества на общественные недуги тем сильнее, чем толще эта прослойка. А наш «озоновый слой» прохудился, весь в дырах. Это и есть причина всех наших «болезней».

Народу не хватает кислорода «озоновых людей», чтобы почувствовать дух свободы и протестовать, потому что когда отсутствует фактор протеста, целая нация становится чеховской «размазней».

Одним из «озоновых людей» и является сам Вахид, «озоновый человек» который так нужен, чтобы залатать прохудившийся небосвод народного иммунитета.

Эльчин Шихлинский

Эссе из цикла «Следы памяти»

Елена

В прошлое воскресенье меня разбудила игра на пианино. Новое произведение, которое разучивала моя дочь после экзамена, я узнал с первых же нот. Поначалу я не мог припомнить где слышал эту композицию, но в том, что музыка мне знакома и близка никаких сомнений не было. Я обрадовался, словно спустя много лет встретил неожиданно родного человека.

Я не стал заходить в комнату, чтобы не прерывать игру, но затаив дыхание слушал у приоткрытой двери. В то утро дочь осветила мои щемящие воспоминания...

Когда в снежную морозную декабрьскую ночь 1995-го года известная правозащитница из Украины Наталья Белитцер встретила меня прямо в аэропорту и по пути познакомила с программой визита, ей и в голову не могло прийти, что событием, запечатлевшим Киев в самых сокровенных уголках моей памяти, окажется не какое-либо из мероприятий в озвученном ею перечне, а неотмеченная в дневнике встреча.

Когда мы доехали до снятой квартиры в одном из старинных зданий в самом центре Киева, ресницы моих глаз, истосковавшихся по сну, висели как ивовые ветки. Я забрался в постель, думая, что засну в мгновении ока, но по мере того, как доносящиеся из соседней комнаты два женских голоса слово за словом втекали в мой слух, сонный мрак рассеивался, разглаживались морщины в мозгу, а следом раскрывались веки.

О том, что в соседней комнате жизнь бьет ключом говорил свет, просачивающийся внутрь через ту часть двери, которую отделяло от пола всего несколько сантиметров, и ласковый женский голос, доносящийся из той же комнаты. Мягкий свет и подрагивающий голос походили на утренний шепот ночи, влюбленной в восходящее солнце.

В первую ночь на новом месте я всегда сплю плохо, вот и снова не спалось. К тому же полная интереса жизнь по ту сторону двери тоже делала свое дело, вонзившись кинжалом в грудь ночного сна.

...Мне не удалось уверить их в том, что моя бессоница вызвана не их беседой. Одна из женщин произнесла «Уже поздно» и ушла. Хозяйка квартиры проводила гостью и вернулась. «Раз нам не спится, тогда продолжим», – сказала она и не дожидаясь ответа достала из древнего шкафа, напоминающего комод моей бабушки (привезенный в качестве приданого), маленькие рюмки, тарелки и ложки. Она открыла коробку шоколад, лежащую на столе. Затем прошла на кухню заварить кофе и пожарить каштаны.

Большая комната, напоминающая комнаты в домах интеллигенции николаевского периода, занимала точно середину квартиры. Отсюда открывались три двери: одна в мою комнату, вторая в коридор и в самом его конце кухню, а третья, по всей вероятности, в спальню самой хозяйки.

Между двумя последними дверями стоял выдавший виды черный рояль. В углу же были часы с большим маятником. Старые, поблекшие и облупленные... Однако, держались они чинно, словно царские генералы в эмиграции, старающиеся сохранить достоинство. Длинный светильник за креслом в другом углу помещения с отлепившейся лентой абажура по особому оттенял полумрак комнаты, как бы дополняя последним мазком картину, представшую моему взору.

Но душой всему были бесчисленные старые фотографии во всевозможных рамках на всех четырех стенах, ибо я не мог оторвать от них глаз. Я сидел за тяжеленным столом из орехового дерева, в центре комнаты, лицом к стене с часами и разглядывал фотографии. На одной только стене мне удалось насчитать около пятидесяти изображений, потом сбился со счета – запах жареных каштанов настиг меня прежде, чем я их увидел, затем последовал аромат кофе, а дополнил букет крепкий дух коньяка.

Хозяйка накрыла на стол, как душу раскрыла. Это вовсе не было представлением, разыгранным вдовствующей женщиной перед новым знакомым, которого она собиралась очаровать, это было гостеприимством 70-летней женщины, давно уже прекратившей думать о смысле прожитого, женщины, ничего более не желавшей от жизни, наоборот, находящейся уже на ее излете, но при этом всё еще сохранившей страсть и гордость молодости, аристократические манеры былых времен.

Елена Ибрагимова. Худое тело, стройный стан, длинная шея, слегка острый нос, ниспадающие на плечи волосы, разделенные сбоку пробором – всё это гармонично дополняло друг-друга. Ее тихие, спокойные движения, не по возрасту легкая походка – порханье бабочки, полуробкая-полуозорная улыбка как у покуда нецелованных девушек находились в гармонии с наполнившим комнату бодрящим ароматом кофе и приглушенным светом лампы. Голос ее походил на голос монахини, вернувшейся с утренней службы – в тембре с обертонами сострадательности слышалась также легкая хрипотца.

Когда она клала для меня в розетку клубничное варенье, я невольно обратил внимание на иссиня-красные вены, вздувшиеся и проглядывающие из под морщин ее руки, и уподобил их облаку, готовому пролиться дождем. Сила и уверенность длинных пальцев ощущалась и на расстоянии, достаточно было проникновенного взгляда. А серебряное кольцо с двойной бирюзовой оправой на ее пальце напоминало пояс, обвивающий нежный стан любимой.

«От бабушки». Похожее на смущение чувство так резко пронзило меня, что я слегка растерялся. Она почувствовала мой взгляд на своих пальцах. Но вот вопрос, уловила ли как, с каким чувством я на них смотрю?

Когда она прошла на кухню, чтобы принести еще кофе, я понял, что меня изумляет не только этот человек, эти руки, пальцы, но и пара глаз среди черно-белых, пожелтевших фотографий, смотрящих со всевозможных рамок: мужчины, женщины, дети, старики, на коне, в поле, фотостудии, стоя, сидя, лежа, серьезно, весело, в одиночку, вместе... Девушка с ангельским лицом и робким взглядом...

Эта фотография, снятая, может, пятьдесят лет тому назад была похожа на ретро-снимки ранних голливудских актрис. Помните изумительное лицо Ингрид Бергман в «Касабланке»? Вот то же самое. Это было отражением радости, расцветшей на лице невинной девушки, радо-

сти от переживаний первой бессонной ночи после того, как она услышала признание любимого молодого человека. О Боже, что ты задумал сотворив такую красоту?

В ту ночь наша беседа зашла далеко за полночь. Когда стрелки часов приблизились к 4 часам утра, она забеспокоилась от того, что «не дает мне спать», подумав, что мне рано вставать и пожелала спокойной ночи. У меня же не было никаких дел до самого полудня. Тем не менее, я уснул, заплутав в лабиринте грез.

... Меня разбудила игра на рояле. Кто-то играл один и тот же отрывок по несколько раз... играл, играл, ошибался, останавливался и снова продолжал с того же места. Хотя вещь часто прерывалась, игра между паузами говорила о том, что это произведение великолепно. Затем наступила полная тишина, но она продлилась недолго. На этот раз рояль зазвучал совершенно иначе.

Божественные звуки музыки как по волшебству подняли меня с постели. Я слегка приоткрыл дверь. Играла она. Видимо, ее длинные пальцы хорошо ладили с клавишами рояля, так как они повиновались ее прикосновениям как ласкам возлюбленной. Искра, рожденная этим прикосновением, могла бы осветить самые потаенные уголки человеческой души. Нежданная прозрачность охватывала дрожью струны одного сердца, протянутые к другому. Как и этот старый, потрепанный рояль, почерневший будто бы от груза скорби всех этих лет, но в мгновении ока воспламенившийся юношеской страстью и похожий на старика, рвущегося к новой любви в надежде на новое рождение. Как этот рояль издавал тот звук, как он приходил в тот трепет? Неужели от 70-летней женщины, смотрящейся так же гордо, как и ее рояль?

Казалось, она не играет на рояле, казалось, она признается в любви...

Она сидела ко мне боком. Ее тело кокетливо подрагивало, словно она оседлала коня. Волосы были растрепаны, не в пример как они были уложены вчера вечером. Лицо вытянулось, шея ушла в плечи, будто желая скрыть следы, оставленные временем. Люди, изображенные на бесчисленных фотографиях, висящих в рамках на стенах комнаты, казались зрителями большого концертного зала. Они изумленно застыли от звуков божественной музыки. «Ингрид Бергман» тоже окаменела, превратился в статую и молодой человек, поглядывающий из-за приотворенной двери то на нее, то на ту, которая исполняла это чудное произведение. Двигалась лишь она одна.

«Женское тело похоже на скрипку, надо быть превосходным исполнителем, чтобы оно зазвучало!». Джером Селинджер, сказав это, попал в самую точку, но на сей раз звучать женское тело заставлял рояль!..

Завершив игру, она повернулась к сидящей рядом девчужке. Бедненькая была заморожена разыгравшимся перед ее глазами представлением. Я раскрыл дверь и вошел в волшебную комнату. «Извините, мы вас разбудили, у меня ученики каждый день в 12.00», – обернулась она. Я взглянул на часы, был почти час дня.

... Следующая ночь была будто бы продолжением предыдущей. Я получал неизъяснимое наслаждение от того, что находился с нею рядом, слушал ее речи. Особый оттенок моему настроению придавал и третий обитатель комнаты – «Ингрид Бергман» на стене. Она уловила,

что я частенько поглядываю на одну из фотографий, висящих на стене. Кажется, даже поняла на какую именно фотографию я смотрю. Может, именно поэтому, знакомя меня со снимками, она пропустила мою «Ингрид Бергман»: «Это – отец, он был врачом. Это бабушка в молодости – та самая, которая подарила мне это кольцо. А это я – в трехлетнем возрасте. А эти – семья деда, видите сколько их? Теперь уже таких семейных снимков никто не делает.

Это – Параджанов. Был в меня влюблен. Вы его знаете? Ваш земляк. Из Кавказа вышли не только безжалостные большевики, но и мастера мирового уровня. Я люблю кавказцев. Вы очень свободолюбивы. Много потеряли, но смогли сохранить свой дух. Мы с Параджановым вели здесь, в этой комнате долгие беседы. В 60-х он много натерпелся. 139 интеллектуалов отправили Брежневу письмо протеста с требованием прекратить преследования по политическим мотивам. Его подпись стояла первой. И поэтому ему много досталось, даже арестовали. Интересным был человеком. Гений. Вы видели его фильмы?». «Видел «Ашик-Кериба»», – ответил я.

Мы подняли рюмки с коньяком, взяли по шоколаду из коробки «Киев вечерний», она кивнула головой и мы выпили без всякого тоста.

Не было никаких сомнений: она пила за Сергея Параджанова. А меня охватили смутные чувства. Я не знал что делать, что сказать. «Он – армянин, – не удержался я, – армяне наши враги». И я пустился в длинное повествование. Рассказал чуть ли не всю историю. Поведал о своем разоренном городе, своем разрушенном доме. Поведал о горе, выпавшем на нашу долю. Она слушала затаив дыхание. Лишь закончив свою речь я понял, что она терпеливо меня выслушивала не ради интереса, а из вежливости. «Параджанов бы так не поступил», – сказала она и встала, намекая на то, что уже пора спать.

...На следующий вечер я пришел с полными руками; накупил немало сладостей, сухофруктов. Был и коньяк, той же марки – «Крым». Снова ее мягкая улыбка, теплый взгляд, родственная забота, ласковая аура... снова привлекательное лицо «Ингрид Бергман»...

В тот вечер она читала Есенина, к тому же меланхоличным голосом. Она с таким восторгом слушала стихи Рамиза Ровшана, которые я ей прочел, что стороннему наблюдателю и в голову бы не пришло, что азербайджанского языка она не знает. Поэзия как музыка, у нее один на всех язык – язык, понятный каждому. Затем она села за рояль. Играла пламенно. За всю свою жизнь я никогда не был столь близок к такому виртуозному исполнению, ни до, ни после того вечера. Это не было заурядной физической близостью, нет, это было погружением в стихию Вивальди, Бетховена, Шопена и других неизвестных мне имен.

Я слушал ее и рассматривал фотографии на стене. Время здесь давно замерло, остановилось на ней – все снимки были сделаны до нее. Она дважды была замужем, но детей не имела. Из наших ночных бесед я, как мне казалось, узнал весь ее жизненный путь. Она рассказала многое: от семьи, сменившей фамилию Абрамовых на Ибрагимовых, дабы спастись от еврейских погромов и до необходимости вести полудиссидентский образ жизни – плата за отказ бросать друзей. Остальное она говорила через музыку, озвучивая ноту за нотой жизнь длиною в 70 лет.

Звуки рояля подхватывали вихрь, вызванный в сознании коньяком, и уносили его куда-то далеко – в прошлое ли, будущее. Разве будущее не то же прошлое, что мы жаждем увидеть?!

...Мы условились: в воскресенье отправимся смотреть Киев ее глазами, то есть прогуляться вместе. Так, как это был мой последний день пребывания в городе, я ни с кем больше не намечал встреч, мы собирались быть вместе до самого ночного рейса. В то утро она заставила себя ждать. Наконец, открылась дверь... Брошь с крупным камнем на вороте темнокоричневого длиннополого мехового пальто, сшитого в стиле пятидесятых годов, сверкала даже при слабом свете. Нежная шерстяная шаль на голове была повязана будто бы для того, чтобы подчеркнуть все очарование лица.

Царящая на улице тишина, казалось, была призвана, чтобы внимать звуку падения снежинок. Каждый, если б с ним под руку шла такая женщина, мог бы расслышать звук снежинок, садящихся на плечо.

Мы проходили мимо старинного здания. «Отсюда всегда доносились крики, от которых шли мурашки по коже. Здесь располагался НКВД, а после – фашистское „Гестапо“. А теперь – это один из отделов КГБ», – сказала она, указав на маленькие подвальные окна похожие на форточки. Она рассказывала об исторических зданиях, расположенных на улицах, по которым мы гуляли, о минувших событиях, своих воспоминаниях.

Там, где было особенно скользко, она крепче сжимала мне руку, уверенная, что упасть ей я не дам. Эта ее уверенность доставляла мне наслаждение. Прохожие смотрели на нас с интересом, что несказанно мне льстило. Ее неповторимая аура, жасминовый аромат, элегантность превратили меня в кружащуюся снежинку, я летел вместе с ними.

«Это „Андреевский спуск“. Здесь расположен Дом-музей Булгакова, в доме №13. Я хотела повести вас туда, но вижу – улицу не расчистили, очень скользко. Могу упасть. Давайте вернемся. Как-нибудь в следующий раз. Вы читали „Мастера и Маргариту“?». «Я люблю „Бег“», – сказал я. Она как-то странно обернулась на меня и посмотрела прямо в глаза.

Мы вернулись домой вместе с сумерками. Скоро за мной должен был заехать друг. Мы в последний раз сели за чай. Я смотрел на нее как на давнюю знакомую. Когда еще увидимся? Увидимся ли?

Прежде чем как выйти, я остановился перед снимком на стене, и вновь всмотрелся в него, я попрощался с «Ингрид Бергман». Заметив это, она подошла ко мне. «Смотрите уже столько дней, но так и не спросили кто это?». «Кто это?». «Я, в 18 лет. Снимок сделан когда я поступила в консерваторию». Мне не удалось скрыть изумления. «Кажется, влюбились, да? Так и есть! Влюбились! Не знаю что такого нашли во мне эти кавказцы!». Ее нежная, добрая улыбка источала свет. Мы попрощались.

«Бог тебе в помощь!», – она смотрела точь-в-точь как мать.

В последних словах она впервые обратилась ко мне на «ты». По пути мне казалось, что я что-то там оставил, забыл, я перепроверил карманы, еще раз открыл чемодан, все было на месте.

В аэропорту от друга, как-то странно на меня поглядывающего, я узнал, что Елена не взяла квартплату.

Некоторое время спустя пара глаз, смотрящих из иллюминатора, станут блистать как звезды в бескрайнем мраке ночи.

После того, как дочь завершила игру, я подошел взглянуть на ноты: Мендельсон, «Песня венецианского гондольера». Произведение, которое Елена играла 15 лет назад. Моя 12-летняя дочь радовалась, приняв мое изумление за высокую оценку своего прекрасного исполнения.

...Да и я радовался.

*21 января 2011
Баку, Азербайджан*

Берег «Лебединого озера»

Одна из активисток регионального отделения Шведской Социал-Демократической Партии Ирада Алиева приобрела билет на балет Чайковского «Лебединое озеро» в тот день, когда было объявлено, что знаменитый Мариинский театр Санкт-Петербурга совершит гастрольный выезд в Йенкепинг.

По пути я рассказал детям об истинной причине своего поступка, побудившего меня заплатить немалую сумму за билет и проехать несколько сот километров.

Я не впервые делился с детьми своими приятными детскими воспоминаниями, порой я им что-нибудь о себе рассказывал, особенно в долгие зимние ночи на чужбине в северной стране.

Рассказав им краткую историю того очарования, что побудило меня отправиться на это представление, я добавил в шутку: вы посмотрите спектакль, а я отправлюсь в дальнее путешествие. Так все и вышло. Балет с первых же секунд увел мои мысли и грезы в детство.

Мое знакомство с балетом началось именно с «Лебединого озера». Тогда мне было лет девять-десять, я был уже большим мальчиком. Отец отправлял меня за некоторыми поручениями.

Порой он посылал меня к своему дяде, чей дом находился за две улицы от нашего дома в Агдаме, ныне превращенном армянской армией в руины, и говорил: «Иди к Беку, скажи, чтоб дал что-нибудь хорошее почитать».

Отец и родственники называли дядю Исмаила «Беком». Поговаривали, что его так прозвали в пору его пребывания в Тбилиси за аристократические манеры.

У дяди Исмаила книг было больше, чем у нас. Отец прочел всю библиотеку и теперь перешел к его библиотеке. Вот я и шел к дяде Исмаилу за книгами, которые он выбирал по вкусу отца...

Однажды летом к нашим соседям за изгородью приехали гости из Баку. Мальчики были моими ровесниками, а вот их сестра была намного старше. Ее изумительные глаза и переливающиеся шелком волосы все еще у меня перед глазами.

Облокотившись на стоящий в тени вишневого дерева стол, покрытый белоснежной скатертью и увенчанный самоваром, она целыми днями читала книги.

Хоть я и играл с ее братьями, все мое внимание было приковано к ней. В моих глазах она походила на Мальвину из недавно вышедшего на экраны фильма «Приключения Буратино».

Мне нравились ее мягкие медленные движения, то, как она изредка бросает с улыбкой взгляд на братьев, или, захлопнув книгу, мечтательно смотрит в какую-то недостижимую точку

на небе. Листва было столь густа, что за ней с трудом проглядывало небо. Интересно, что она высматривала в этом просвете размером с ладонь?!

Играть с городскими ребятами было особенно увлекательно, их говор, смех, повадки – все казалось мне необычным. Я уже не говорю о тех игрушках, что они с собой привезли. Порой, забывшись, я так удивленно смотрел на них будто они инопланетяне.

А с их игрушками я мог бы играть годами и так бы не наигрался вдоволь. Это было мое первое знакомство с чувством зависти – одним из естественнейших человеческих чувств.

Но я сдерживался перед искушением и не подходил к игрушкам. Я и не пытался выглядеть нежадным, всем обеспеченным и довольным, мне просто хотелось выглядеть взрослым в глазах их сестры.

А она меня «не замечала».

Девушки-подростки не замечают тех чувств, которые к ним испытывают мальчики помладше, но они с нетерпением ждут любви взрослых парней. Лишь годы спустя я понял ту мечтательность, любовное настроение соседской девушки, чувства, которые она испытывала тем летом – я понял это, читая книгу, читанную ею в то лето.

В те дни я искал малейшего повода, чтобы перекинуться с ней словечком: однажды подошел к ней якобы узнать, что это она читает. «Новеллы Стефана Цвейга», – ответила она...

Как ио раз во время одной из таких увлекательных игр меня подозвал отец и снова отправил к дяде за книгой. Возразить я не мог, собирался бегом туда и обратно за книжкой, чтобы потом продолжить веселиться с ребятами из Баку. Но все вышло иначе.

Дом дяди Исмаила находился по дороге в Шушу, напротив ресторана на бульваре. Мне нравилось проводить время у них дома и, в особенности, в амбаре позади дома. В амбаре находились всевозможные бытовые приборы, древние вещи, но больше всего меня привлекали огромные дубовые бочки с соленьями.

Когда я был совсем мал, то дотянуться до отверстия бочки не мог, я клал себе под ноги ведро или ящик. Я находил какое-то особое наслаждение в том, чтобы достать соленья из «капустной бочки» и съесть, не сходя с места...

Большая книжная полка находилась в коридоре, ведущем в дом. Застекленную гостевую украшали антикварные сувениры. На стенах висели изготовленные из жестяных плиток «чеканки» сына дяди Исмаила Вагифа, портрет сына Видади, написанный в армии масляными красками и фотографии дяди Исмаила с супругой тетей Вазифе, снятые в Агдаме и Тбилиси, откуда была родом тетя Вазифе (дядина жена).

На черном пианино стояли всевозможные фигурки и статуэтки. Во время празднеств, когда дети хотели поиграть на пианино, они осторожно переставляли эти фигурки на комод и открывали крышку ради громкости звучания.

Каждый раз, когда приезжала из Баку бабушка, дядя Исмаил устраивал в ее честь большое торжество. Смех и веселье, пиршество, музыка и танцы длились часами. Его дети – Вагиф, Видади, Эльмира и Расим – были особенными: один играл на кларнете, другой на пианино, а третий выстукивал ритм на стуле будто на нагаре...

В тот день, когда я прибежал за книгой, дядя Исмаил сидел «конем» на стуле, скрестив руки на спинке, упершись подбородком в ладонь, и смотрел телевизор. Его собранность и внимание говорили о том, что дядя наслаждается зрелищем. Заметив меня, он подозвал к себе и дал знак сесть на стоящий рядом стул.

Группа девушек в белом на экране телевизора танцевала под странную музыку. Хотя мне и было неинтересно, пришлось сесть. Немало времени спустя, когда его супруга принесла чай, я осмелел и сказал, что отец отправил меня за книгой. Дядя никакого внимания на это не обратил.

Он сказал: то, что мы смотрим – это балет «Лебединое озеро». Затем он встал, вернул стул в обычное положение и подсел ближе к столу. Подвинул к себе стакан с чаем. Приступил к пространному рассказу о балете.

Злой колдун превратил возлюбленную молодого принца в лебедя. Изнывающий от тоски принц, в конце концов, одерживает победу в сражении с колдуном, рушит его чары и спасает свою возлюбленную. Я не мог уловить в тот момент связи между рассказом дяди и танцами на экране, но все же досидел до финала.

Дядя Исмаил говорил со мной, как со взрослым, как с ровесником, будто я уже повидал сотни балетов, прослушал столько же опер. Но, помню, оперы ему не нравились. За исключением «Лейли и Меджнун», которую он часто смотрел в молодости в Тбилиси. Зарубежные оперы несколько его не интересовали: «Кричат что есть мочи, да и слов не разобрать».

А балет ему нравился. Я не понимал, почему. Его объяснения ни о чем мне не говорили. Помню лишь то, что он сравнивал танцовщиц с бабочками: «Не ходят, а порхают, порхают».

Не помню, сколько продлился балет, во всяком случае, мне это показалось целой вечностью. Терпение мое было на пределе. Все мои мысли вертелись вокруг ребят из Баку, и в особенности «Мальвины». Как бы красиво не танцевали очаровательные девушки на экране, они не интересовали меня так же сильно, как гости из Баку.

Наконец, когда я вышел от дяди Исмаила, я целиком находился в лившемся с экрана настроении. В голове звучала музыка Чайковского, а губы ее насвистывали. А на название книги, взятой у дяди, я обратил внимание только, когда передал ее отцу – «Отец Горио» Бальзака.

В холодную шведскую ночь «Лебединое озеро» погрузило меня в теплые воспоминания о родине. Я как бы пережил все заново.

В детстве воображаешь свое будущее, а став взрослым, тоскуешь по детству, и все это, как бы ни было странно, сопровождается приятными чувствами. Оказывается, тоска может быть и сладкой.

Мечтатели не покорны возрасту. Танец артистов русского балета, пленительная музыка Чайковского делают человека чище, чистым как ребенок десяти лет. Может, именно потому я погрузился в ту ночь в грезы, на которые способен лишь ребенок – словно я был принцем Зигфридом, а светловолосая девушка из Баку Одеттой.

Но как бы я ни старался, не смог уподобить дядю Исмаила колдуну Ротбарту, ставшему камнем преткновения между двумя возлюбленными. Ибо дядя Исмаил был светлым человеком.

Светлым человеком в маленьком провинциальном городе, человеком с богатой библиотекой, пианино, звучащим каждый Божий день, и телевизором, показывавшим балеты. Человеком, познакомившим меня с «Лебединым озером», под чьи чары я подпал впоследствии.

В тот жаркий летний день дядя Исмаил не мог бы даже представить, что балет, который он заставил меня посмотреть, спустя сорок лет откликнется во мне ностальгией по родине вперемежку с воспоминаниями о первой детской чувственности, прокатит по «Лебединому озеру» и вынесет на теплое побережье детства.

*Декабрь, 2014
Карлскрона, Швеция*

Время лечит раны

Выстроившиеся в ряд холмы отливали всеми цветами радуги. Солнце одним своим утренним росчерком превзошло всё мастерство осветителя, способного создать настроение, переливающимся на сцене разноцветьем.

Даже когда солнце не выходило из-за туч, каждый из холмов окрашивался в прелестный цвет.

Выпал снег. Но холмы и тогда не повторяли друг-друга, каждый оттенял белизну снега по-своему.

Долины – изнанка холмов. Одни точно наводящая ужас ночь, другие словно яркое утро.

...Вот уже который день я наблюдал из окна один и тот же пейзаж в разное время суток и в разных тонах.

Днем несложно представить весну и лето в этих краях. Холмы скрывали свой весенний облик в чреве долин, но я мог видеть эти краски. Мог! Даже еще не вспыхнувшая заря, вечерние сумерки, спрятанная в долинах тьма не могли скрыть от глаз затаившиеся в холмах весенние краски.

Холмы, рожденные одной и той же горой, напоминали детей одной и той же матери – не походили друг на друга.

Собравшиеся вокруг стола люди тоже не были детьми одной матери. Но все они ходили под Богом.

Москвичу Андрею Ивановичу было далеко за семьдесят. Его статья, басовитый голос напоминали русских генералов, которых я встречал в армейскую пору. Лишь после я узнал, что он бывший военный в звании полковника. Говорил он в основном о санаториях, в которых довелось побывать. Прошлую осень он провел в Карловых Варах за 19 километров отсюда. Он рассказывал, что лечебные воды пошли ему на пользу, рези в желудке уменьшились.

Карелу из Праги было максимум пятьдесят пять. По-русски он говорил хорошо, выучил еще в школе в период коммунизма. Работал он в сфере машиностроения и даже пописывал статьи для технических журналов. О чешских санаториях он говорил с гордостью. Говорил, что здешние радоновые ванны не имеют себе равных во всей Европе, а минеральные воды – во всем мире. Его слова всколыхнули мои патриотические чувства: я поведал о нафталиновых ваннах и порекомендовал ему съездить в Азербайджан.

Ханне, проживающей в окрестностях Дрездена, никак не получалось дать восемьдесят пять лет, выглядела она молодо. Каждый раз она садилась за стол, прислонив трость к стулу, здоровалась с каждым по-отдельности. Едой особо не увлекалась, а вот побеседовать любила. У нее ладилось с Андреем, они частенько продолжали душевную беседу в фойе или в баре. Она говорила по-русски не очень, но всё при желании можно было понять. Те немецкие словечки, что она иногда вставляла в свою речь, совсем не походили на слова того «ужасного»

языка, который мне довелось слышать в детстве в советских фильмах о войне. В ее произношении жесткий немецкий язык звучал певуче и гармонично.

Мы встречались три раза за день. Я заметил, что и Карел прислушивается к ним с особым интересом. Я получал удовольствие от наблюдения за двумя этими стариками, оставляющими позади осеннюю пору своей жизни, как и от созерцания лесистых холмов за окном с деревьями, сбросившими всю свою листву. О чем бы они ни говорили, речь в итоге заходила о превратностях старости. Они давали друг другу советы. Общались так ласково и сочувственно, будто были знакомы целую вечность.

Старикам есть чем поделиться, особенно больным. Вот и они беседовали о своих детях и внуках, болячках, планах посещения других санаториев, одним словом, о своем настоящем и будущем. Прожившие большую часть своей жизни при коммунистических режимах, прожившие детство в жесточайших политических режимах за всю историю человечества, повидавшие много чего на своем веку два престарелых представителя народов, ведших друг с другом безжалостную войну, не проронили ни слова о прошлом.

Однажды во время ужина они так распались, что мы оказались в роли заинтригованных зрителей. Они не на шутку прикипели друг к другу. Глядя на них мы с моим чешским собеседником говорили о том, что вечной вражды не существует, что злейшие враги, в конце концов, садятся за дружеский стол и что история богата на такие примеры.

В ходе беседы я поинтересовался у него, видел ли он фильм, повествующий о массовом изнасиловании советскими солдатами немецких женщин. Фильма он не видел. В тот же вечер я пригласил его посмотреть картину вместе.

Ровно в восемь в дверь постучался Карел с четырьмя бутылками чешского пива в руках. Я уже отыскал в интернете фильм режиссера Макса Фэрбербёка «Безымянная – одна женщина в Берлине». Мы сели смотреть.

Фильм повествует о зверствах советских солдат, массовых изнасилованиях немецких женщин. История не знала второй такой армии, подвергшей массовому изнасилованию женщин побежденного народа. Два миллиона немецких женщин стали жертвами этого массового изнасилования. К тому же не единожды или дважды, а по нескольку десятков раз. Безбожная советская армия не дала пощады даже монашенкам из монастыря. Тысячи женщин умерли во время аборт. Наложивших на себя руки тоже тысячи и тысячи. В целом, в результате изнасилований умерло 240 тысяч немецких женщин.

В ту ночь мы говорили с Карелом и о других преступлениях русских солдат. Он завел речь о гнете коммунизма, репрессиях после советской оккупации, лагерях для политзаключенных, привлеченных к рабскому труду в урановых рудниках, кровавой пражской весне 1968-го года.

Мне тоже было о чем рассказать. Он слушал с интересом. Я не удивился, что он доселе ничего не слышал о бойне 20-го января. Мы пока не научились и все еще учимся доносить миру свою правду, свою боль, свои трагедии...

Наутро я принялся с еще большим вниманием наблюдать за престарелой парочкой. Робкое выражение лица Ханны напоминало лицо женщины из фильма, которую насиловали каждый день. А Андрей казался мне разъяренным русским солдатом, нападавшим на женщин

с животной страстью. Ханна мило беседовала с офицером армии, изнасиловавшей ее мать, родственников-женщин, весь народ, а может и ее саму. Будто ничего и в помине не было. Неужели всё забыла? Ведь говорят, женщина до конца своих дней не может позабыть стресс и ужас изнасилования!

Видимо, верно говорят: «Время лечит все раны».

Как бы саркастично ни звучало, можно сказать, что море крови пролитой в Европе из-за незыблемости границ в итоге привело к образованию государств без границ.

Наша война с армянами одна из тысяч войн за всю историю человечества. Я несколько не сомневаюсь, что настанет время и через много-много лет азербайджанец сможет также душевно беседовать с армянином в Карабахе – в одном из таких же чарующих уголков, как этот городок Чехии. Наверное, эти неизвестные нам люди, пережившие ходжалинскую бойню, сумгаитский погром, в котором нас несправедно обвинили, тоже не станут поминать прошлое. Они тоже будут беседовать о своем настоящем и будущем.

Слова Иисуса Христа: «Попал в беду, приди ко мне, я возьму тебя за руку, пронесу через это страдание, но при одном условии – не оглядывайся назад».

Всё, что я сейчас написал, кажется странным. Знаю, мои слова похожи на сказку в то время, когда никакого мира на горизонте не видно, а надежда на перемирие в глубоком колодце отчаяния. Но я знаю, что когда-нибудь – пусть хоть через лет пятьдесят – всё получится!

...Вдобавок хочу быть уверенным: во время тех будущих встреч с армянами в Карабахе гостями будем не мы, мы сами будем принимать гостей!

*Декабрь, 2013
Яхимов, Чехия*

Озоновые люди

Литературоведческое эссе-раздумье

Советский писатель Анатолий Кузнецов, эмигрировавший в 60-х годах прошлого века в Лондон, наделал шуму своими статьями и интервью. В статье, опубликованной 25 сентября 1969-го года в парижском эмигрантском журнале «Русская мысль», он разделил на категории советских писателей согласно их политическим воззрениям и тем самым дал импульс к напряженным дискуссиям. Кузнецов поделил известных советских поэтов и писателей на следующие категории:

– полностью подчинившиеся: «Да здравствует Советская власть!» (Шолохов, Михалков, Кочетов);

– умеренные либералы: «Да здравствует советская власть! Но далеко не всё происходящее хорошо...» (Катаев, Симонов, Рождественский);

– воинствующие либералы: «Да здравствует Советская власть и коммунизм с человеческим лицом! Однако попадать в суд мы не хотим» (Евтушенко, Вознесенский, Твардовский);

– оппозиционеры: «За Советскую власть, но не такую как в последние 50 лет» (Синявский, Даниэль, Солженицын, Гинзбург)

Польский писатель-публицист эмигрант Йозеф Мацкевич, всегда скептически относившийся к диссидентству такого всемирно известного писателя как Солженицын, в одном из номеров журнала «Вядомости» за 1970-ый год назвал это «точной классификацией». Кстати говоря, мы перевели полное упреков и критики замечательное письмо знатока советской политической системы Мацкевича Шолохову и опубликовали в 9 (17) -ом номере журнала «Ш Sektor» за 2005-ый год. Я рекомендую всем и в особенности пишущим прочесть это письмо, повествующее о трагедии писателя, который заново прошелся по своему «Тихому Дону» сквозь призму внутренней цензуры. Этот текст можно найти в моем блоге.

Протест первейшее условие свободы. Без протеста нельзя стать свободным, а не будучи свободным нельзя прожить достойно.

Всё живое ощущает внешнее влияние отдельными органами. Общество тоже живой организм. Оно ощущает оскорбление своей чести «сердцем интеллигенции».

Спустя год после принятия конституции СССР за 1977-ой год в тбилисской газете «Заря Востока» опубликовали проект аналогичного верховного закона Грузинской ССР, и тут грузинская интеллигенция вышла на митинг протеста. Причиной протеста оказалась 75 статья проекта – присвоение русскому языку статуса официального языка. До тех пор государственным языком в каждой из трех кавказских стран считался язык этнического большинства.

Попытку нововведения встретили митингом в Грузии, напряженностью в Армении и полным молчанием в Азербайджане. Но в итоге выиграли все – советская власть отступила перед протестами в Грузии. Нас тоже не стали отделять от числа непокорных, за счет грузин наш язык остался при прежнем своем статусе.

Чем скитаться мыслью в дальних даях, приведу еще один пример в связи с нашими соседями. В одном из номеров журнала «III Sektor» за 2004-ый год опубликовано мое интервью с бывшим диссидентом, общественно-политическим деятелем, моим другом Леваном Бердзенишвили. Грузинский интеллектуал, анализирующий недавно состоявшуюся «Революцию роз», говорил, что интеллигенция не стерпела попрания чести и достоинства народа, во время революции в первых рядах шли всем знакомые и ценимые писатели, поэты, композиторы, художники, ученые, деятели кино. «Масса состояла только и только из образованных людей. Среди них не было ни одного рабочего».

Этими примерами я хочу сказать то, что прогрессивный критерий народов измеряется количеством образованных, грамотных граждан, но одного этого для свободы недостаточно. Необходимо также чувство достоинства и смелость это достоинство показать. На страже достоинства нации стоят совестливые интеллигенты.

Я начал этот текст дефиницией Кузнецова. Подобная классификация писателей и поэтов показатель нравственной трагедии, испытываемой не знающим свободы обществом.

В свободных обществах интеллигенция не делится на моральные категории!

Если применить вышеизложенную классификацию к нашему времени и обстоятельствам, наверно, получится следующее:

- полностью подчинившиеся: «Да здравствует Ени Азербайджан!»;
- умеренные либералы: «Да здравствует Ени Азербайджан! Но далеко не всё происходящее хорошо!»;
- воинствующие либералы: «Да здравствует власть и Ени Азербайджан с человеческим лицом! Однако попадать в суд мы не хотим»;
- оппозиционеры: «За Ени Азербайджан, но не за такой как в последние 20 лет».

Мне захотелось составить длинный список с представителями нашей интеллигенции, разнесенными по этим пунктам. Не вышло! В зависимости от ситуации каждый из них легко перескакивал с одного пункта на другой, «полностью подчинившийся» становился «умеренным либералом», а то и «воинствующим либералом».

Лишь в одном из пунктов твердо стоял на ногах: писатель Чингиз Гусейнов. И я уверен, что ни один писатель, поэт, композитор, художник, учёный, деятель кино, вообще человек, считавший себя интеллигентом не будет возражать, что якобы он не из тех. А если назвал бы имя хоть двух-трех писателей, поэтов в пункте оппозиционеров (есть такие талантливые творческие люди, очень хотел, чтобы они попали в этот список), уверен, что они сразу опровергли и выступили бы против моей классификации.

Интеллигенция, сформированная из людей с общественной совестью, озоновая прослойка общества. Иммунитет народа и общества на общественные недуги тем сильнее, чем

толще эта прослойка. А наш «озоновый слой» прохудился, весь в дырах. Это и есть причина всех наших «болезней».

Народу не хватает кислорода «озоновых людей», чтобы почувствовать дух свободы и протестовать, потому что когда отсутствует фактор протеста, целая нация становится чеховской «размазней».

Наша беда еще и в том, что советская интеллигенция по причине своей порочности не смогла сформировать национальную элиту эпохи независимости и теперь ей, можно сказать, не дают никакого права голоса. А новая мысль, сформированная за этот отрезок времени, еще молода и слаба.

Взамен у нас сформировалась совершенно другая, конгломератная элита, сформированная из снобов и неучей. Трусливая, подлизывающаяся элита с рабской натурой, раскрывающая объятия чинушам и богачам, но не умеющая выказать ни малейшей толерантности даже самому «беззубому» протесту инакомыслящих.

...Хочу жить в те времена, когда наша интеллигенция будет относиться лишь к одному пункту – пункту «Свободных»! Вот тогда у нас и появится «озоновая прослойка», защищающая от всяческих общественных болезней!

*Октябрь, 2012
Бурсерид, Швеция*

Обезьянья диктатура

В копенгагенском зоопарке наибольшее мое внимание привлекли павианы. Тигры, превратившиеся в кошек, жеманные и медлительные жирафы, тоскующие по джунглям слоны, безразличные ко всему толстокожие носороги, верблюды, чья шкура на спине от отсутствия наездников истончилась словно у джейранов не были столь интересны, как эти обезьяны. Я битый час не мог отвести глаз от их лицедейства.

В огромной клетке находилось несколько десятков обезьян от мала до велика. Жизнь в этом вольере будто бы регулировалась особыми законами. Общество управлялось на основе четко заведенного механизма. Большая семья подчинялась воле отца-павиана. Не представлялось возможным, что от его контроля может ускользнуть хоть малейшая деталь. Он обладал правом вознаграждать или наказать любую другую особь.

В тот день общество павианов вело свою привычную повседневную жизнь: самки кормили малышей, дети резвились и играли. Один взбирался на скалы, другой свисал с ветки, третий почесывал бок, ловкач отбирал у тихони снедь, а затем, будто злорадствуя, показывал ослабленные зубы, обиженный забивался в угол и смотрел куда-то вдаль печальным взглядом, обжора, расчищая руками яйцо от скорлупы, крепко зажимал ногами банан – одним словом, все обезьянничали.

Матери, держа новорожденных за хвост, не давали им отбиться. И когда куда-нибудь направлялись, то либо закидывали детенышей за спину либо тасили, взяв за хвост. Словно оберегали своих детенышей от других самок... А что страшного могло произойти в огражденном вольере?! Может, давал о себе знать генетический страх, оставшийся со времен жизни в дикой природе. Но порой ужасные происшествия в огражденном пространстве не имеют себе равных по сравнению с тысячами опасностей, подстерегающих в лесах и джунглях.

Здесь как и в человеческом обществе шла тайная и явная борьба. Если присмотреться, начинаешь это ощущать. Вот бы разобраться во всех тонкостях! – тогда мне удалось бы написать интереснейший на свете репортаж.

Отец семейства восседает на самом высоком месте в вольере – на скалах и оттуда контролирует всю семью. Когда поднимается шумиха и обезьяны принимаются дебоширить, бывает достаточно одного окрика Отца-павиана, чтоб воцарилась полная тишина. Непокорные самки, нарушающие «правила» подвергались суровому наказанию. Они подвергались половому насилию Отца-павиана. Всего лишь за час мне пришлось стать свидетелем ровно трех таких наказаний. Во время этого процесса самка смиренно подчинялась Отцу-павиану, покоряясь его желаниям. После «процесса наказания» самка становилась такой тихой, так боязливо забивалась в угол, что ни за что нельзя было бы предположить: именно она поставила вольер на уши своим дебошом (Но это декадентство особо не затягивалось, вскорости самка снова возвращалась к привычному настроению и действиям). А Отец-павиан рычал, бил себя в грудь и возвращался на свой трон на возвышении.

Другим методом наказания была ссылка в заднюю клетку. В зоопарке для павианьей семьи были выделены две большие клетки. Одна на открытом воздухе, вокруг которой собрались мы, а другая клетка располагалась в закрытом помещении. Обезьяны переходили из клетки в клетку через несколько маленьких отверстий-дверей. Павиан, вызвавший гнев

доминантного самца-Отца, в качестве места отбывания наказания перебирался в закрытую клетку, где из-за жары почти не имелось зрителей.

В диктатурах справедливости нет, будь это общество, созданное животными либо людьми. Борьба обезьян за еду, принесенную работником зоопарка, была совершенно далека от принципа справедливости. Сильный отбирал еду у слабого. Справедливое разделение пищи не волновало и абсолютного лидера – самца-Отца. Его уже всем обеспечили, еды у него было навалом.

Семья павианов напомнила мне Чарльза Дарвина, в особенности его книгу «О выражении эмоций у человека и животных». Эта книга, попавшаяся мне у бакинских букинистов в 80-х, отложилась в моей памяти по большей части своими иллюстрациями. Наблюдая обезьян в загоне еще раз убеждаешься: человеческое общество переняло свое устройство от природных законов. Порой мы заходим столь далеко, что забываем: мы частичка природы, одно из порожденных ею существ. Именно это напомнили мне обезьяны – мы тоже одни из живых организмов природы.

Как схожа мимика страдающего человека и обезьяны, подвергшейся насилию... Довольная улыбка самки, кормящей грудью детеныша и при этом не отводящей от него взгляда, точь-в-точь как улыбка матери на картине Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», матери, кормящей молоком своего малыша. Чувства изгнанной из стаи обезьяны написаны у нее на лице, словно тень страданий, охватившая горемычного человека. А радость особей, перепрыгивающих с ветки на ветку со счастливым смехом, ничем не отличается от блаженной человеческой радости. Эмоции же самца-Отца, наслаждающегося процессом наказания, так походят на садистские ощущения человека, который тиранит и мучает слабых и бесправных.

Жизнь в клетке напоминала режим, созданный людьми, властвующими над себе подобными. От новорожденного малыша до главаря все подчинялись жесткой системе, работающей с точностью механизма. Будто главарь рожден править, а все остальные подчиняться.

Все общества, созданные людьми на заре цивилизации, построены на основе перенятых у животных и зверей моделей общежития. Эта схожесть берет свое начало в одной воле, руководящей всем живым – «желание сильного править над слабым». Это главный принцип модели общежития, интуитивно созданной живыми существами.

Это чувство присуще всему живому. В особенности, человеку. Ни один зверь не сравнится с человеком в жестокости по отношению к себе подобным.

Впоследствии некоторые людские сообщества, прошедшие через тысячи исторических испытаний, смогли создать «общество равных возможностей» на основе иных моделей.

А некоторые все еще живут в обществах, похожих на обезьянью диктатуру, которую мне довелось увидеть в копенгагенском зоопарке.

*Копенгаген, Дания
19 августа 2013*

Пустая жизнь

*Зачем мозговые центры и извилины, зачем зрение, речь,
самочувствие, гений, если всему этому суждено уйти в почву и, в конце
концов, охладеть вместе с земною корой, а потом миллионы лет без смысла
и без цели носиться с землею вокруг солнца? (Антон Чехов, «Палата №6»)*

Недавно я искал спутников для совместного просмотра фильма Рустама Ибрагимбекова «Кочевник», чей показ был анонсирован в Театре «Ибрус». На мой зов не откликнулись. Самым приличным среди многочисленных отнекиваний было «Тебе больше нечем заняться...». Когда число фейсбуковских знакомых и оффлайн-друзей, которых я обзванивал и пытался уговорить, сравнялось с количеством оставшихся до начала фильма минут, я вышел из офиса. Без пятнадцати семь я отправился по кривой и темной улочке до близлежащего театра. Я был расстроен.

В марте сего года я вместе с другом Лечой Ильясовым, московским чеченцем и этнографом, гостил в Вашингтоне. Приютившая нас хозяйка всем своим пылом демонстрировала «кавказское гостеприимство американского происхождения». Она копалась в интернете и составляла список культурных мероприятий, включала нашу жизнь в график, чтобы нам было интересно. Музеи, парки, рестораны и кафе сменяли друг друга. Мы уже «наполовину прочли» историю города – «В Рейгана стреляли вот здесь».

Одним утром она заявила, что хочет повести нас в театр пантомимы. «К тому же этот театр основали грузинские мигранты. Талантливые ребята». Презентация, рассчитанная на нашу кавказскую солидарность, не пробудила никакого интереса у «объевшихся» за несколько дней культурными мероприятиями. Мы сказали ей, что не хотим идти, что у нас другие планы, но на следующее утро наш опекун пришла с билетами. Нам пришлось идти в театр, невольно, неохотно. Как будто колхозников собрали в лафет и вели слушать симфонию Кара Караева. Когда же мы вспомнили о своем уговоре выпить в тот вечер пива в баре напротив станции метро «Van Ness», то чуть ли не проклинали пилота самолета, некогда доставившего этих грузинских артистов в Америку. Делать что ли было нечего? – тебя насильно ведут в Вашингтоне на грузинский спектакль, к тому же немой...

Когда мы вошли в Театр Арлингтон Спектрум стало известно, что спектакль, который предстоит посмотреть, «Божественная комедия» (Данте), подготовленная Синетическим Театром (Synetic Theater). Мы узнали, что этот театр создали грузинские мигранты Паата и Ирина Цикуришвили в 2001-ом году. Театр, за короткий срок ставший популярным, завоевал за эти годы немало наград. Небольшой зал в скором времени наполнился зрителями. Мне не удалось определить средний возраст пришедших на спектакль. Большинство составляли пожилые, но и молодых было немало. Все выглядели собранно и аккуратно. Все лучились счастьем, кроме моего друга Лечи. Казалось, в его глаза впитались все страдания чеченской войны. Эхо Карабахской войны, впитавшееся в мое лицо, тоже, наверное, видел лишь он. Своего лица я видеть не мог.

Погас свет. Началась пьеса. Необычная декорация, состоящая из темных тонов нескольких цветов, производила странное впечатление. Гигантская воронка была полна людскими

душами, изнемогающими в дикой страсти. Небесная музыка аккомпанировала этому стенанию душ. «Души» обнаженных душ перед престолом Творца тоже были обнажены: здесь ты ничего не скроешь. Здесь «живы» одни грехи. Да, это ад, ад Данте. Сам Данте позавидовал бы этому аду на сцене, который оживил грузин. Зал затаил дыхание. В отличие от «ада» на сцене жизни здесь не было, она замерла. Будто не мы, а обитатели ада ужасались нашим положением. Ощущая себя среди этих душ, я невольно смотрел на сидящего справа Лечу. Самый безобидный чеченец на свете был ошеломлен. Был ошеломлен весь зал. Наверно, лишь сидящие рядом со мной могли видеть в каком я состоянии. Своего лица я видеть не мог.

Следующие части «Божественной комедии» получились такими же удачными. Цвета, свет, звуки, мимика и пластика актеров образовали гармонию. Когда представление закончилось, наши лица покинуло «страдание», а лица американцев «счастье». Все лица выглядели одинаково. Все мы были ИЗУМЛЕННЫ! Спектакль провел нас через круги «Ада» к «Чистилицу» и вверх в «Рай».

По пути обратно мы комментировали пьесу, как театроведы. Наш друг сожгла наше недовольство и скованность в «геенне огненной». Она понимала, что подарила нам вечер, достойный вписаться в память и потому сияла. Наши лица тоже сверкали, словно фонари улицы Коннектикут.

Я дошел до театра «Ибрус» на улице Гасана Сейидбейли, 18. Два сотрудника театра курили на выходе. Пожилой сотрудник смерил меня удивленным взглядом и сказал, что фильм не покажут: «Кроме вас никто не пришел».

Такие дела, дорогой читатель! На фильм первого получившего «Оскар» азербайджанца Рустама Ибрагимбекова, фильм, повествующий о древних тюрках, в тюркском городе с тремя миллионами жителей нашелся лишь один зритель...

Я завершил таким образом пустой день и зашагал обратно во мрак улицы...

*3 декабря, 2009
Баку, Азербайджан*

Тоска по косуле в Ганзасаре

Стоял жаркий июль далекого 75-го года, когда мы строили «крепость» на проглядывающем как на ладони месте палаток-шатров своих родителей, старших родственников; эти палатки-шатры они возводили на дороге между родником Турш-су и деревней Дамганлы, расположенной в зеленом лесу, распростертом вниз от Вянга до Колатага (который мы называли Коладайы). В те времена, когда мы, стайка мальчишек, расчищали от сора самую «стратегическую» позицию в лесах Коладайы, куда приходили летовать и наши прадеды, когда мы строили из земли «крепость», мастерили из веток всевозможное оружие, проводили ограду и разбивали «военный» лагерь, совершали «боевые вылазки» – утром наверх в Гандзасарский монастырь, вечером вниз в палатку бабушки за продуктами, так вот в те самые времена даже фильм «Рембо» еще не был снят.

Монастырь мы «брали» в один присест, но «удержать» не могли. Потому что никак не получалось взобраться на самую высокую ее точку, где раньше висел колокол и где сейчас устроили себе гнезда сотни голубей, шарахающихся в разные стороны при нашем появлении. Мы даже не брали себе копейки, брошенные паломниками в покоящийся в полумраке монастыря толстый каменный сундук с выдолбленной посередине прорезью. Нельзя было. «Без трофеев» интерес к монастырю пропадал быстро, и мы покидали его «без боя», чтобы заново «покорить» вершину. Таким вот образом мы не становились ее хозяевами. Много позже мы поймем: исторические памятники словно прекрасная женщина, драгоценное украшение – если не заявишь свои права ты, кто-нибудь другой обязательно это сделает.

Зайти в кибитку и набить мешок продуктами было просто, сложнее было пронести «трофей» из палаточного городка (впоследствии здешние люди станут обитателями совсем другого палаточного городка) в «военный лагерь». Как правило, набег совершался в палатку бабушки, ибо вход в нее был широко открыт, как и сердце ее хозяйки. В отличие от других палаток бабушкина не «оберегалась». Но при выходе приходилось пройти мимо нескольких других временных жилищ и многочисленных острых на глаз женщин. Опытные разведчики хорошо справлялись с этой задачей.

Порой мы совершали «миротворческие» визиты в Дамганлы. Деревня «сдавалась» нам без боя. Армянские мальчишки, наши ровесники, ненавидели нас, но отступали будто перед солдатами «армии победителя». Мы не совались в эту деревню без двоюродного брата Эльшана – самого старшего среди нас. Если с нами был Эльшан, они нас боялись, а без Эльшана их боялись мы.

Как только в наших карманах появлялась пара манат, мы чинно заходили в магазин, к тому же не на деревянных лошадках, принимающих участие в наших военных походах, а с машинами из проволоки. Говоря сегодняшним языком, самой крутой тачкой была та, у которой красовались ночные фары из пузырьков из-под пенициллина. Одежду тоже приводили в порядок, ведь мы шли в деревню армянских девочек, которым лукаво подмигивали у родника.

Все эти военные походы и миротворческие визиты подытоживались большим пиром в нашем лагере – трапеза тех, кто покорила все земли от монастыря и до деревни. Чего только тут не было? От лемберанского арбуза до аскеранского лимонада, отварной ходжалинской кар-

тошки до печенья «Спорт» и «Барбариса», порой даже появлялась жареная курица и степанакертское мороженое. Настоящий пир победителей.

Субботы с воскресеньями проходили дружно и шумно. Из города приезжали многочисленные родственники, друзья и приятели. И все на машинах, груженных продуктами. Арбузы и дыни чуть ли не падали с кузова. Изобилие порождает страсть – случалось, и не раз, что мы пускали арбузы катиться вниз по склону.

Дымил самовар, потрескивал костер, тлели угли в мангале.

Когда не было посторонних, накрывали одну большую скатерть, а когда приходил кум – лесничий Шахин и другие посторонние гости, накрывали три скатерти: для мужчин, женщин и детей. Рассказывали, что кум Шахин однажды повстречался в лесу с медведем и убил его. Может, так оно и было, а может, это проистекало от желания армян мифологизировать Шахина в качестве выдающегося героя – «Наш Шахин задаст трепку десяти мужчинам, он самого медведя в лесу придушил!»; ведь местные армяне впадали в уныние от каждого появления тюрок-мусульман, которые на протяжении долгих лет приходили в эту местность летовать.

Кум Шахин никогда не приходил с пустыми руками. Он приносил всякую добычу из находящегося под его распоряжением бескрайнего леса, приносил из реки сетки с форелью. Конечно, доставал и тутовку из чухи. Я уплетал пойманную им речную рыбу с аппетитом. Так как сами мы рыбу ловить не умели. Рыбы в Хачынчае походили на Гюльчатай – героиню знаменитого фильма, которая ненароком выронив чаршаб, от стыда натягивает юбку себе на голову. Речная вода была столь чиста, что, казалось, рыбы в этой прозрачности стыдятся посторонних глаз, потому они либо вонзались в ил бешеным скачком и мутили воду либо прятались среди камней.

Однажды лесничий Шахин принес косулю. Она была меньше джейрана и чуть крупнее ягненка. Он сам ее освежевал, сам зажарил. С того самого дня я возненавидел и его самого, и его коня рыжей масти, и винтовку, которая до тех пор приводила меня в восторг. Вот уже немалое время я наблюдал издали, из нашего «лагеря» в лесу одну косулю, которая каждый день в одно и то же время приходила отпить воды у одной и той же речной заводи. У нее был робкий взгляд, трепетная поступь. Между ней и мной возникли особые отношения, напоминающие присущую нынешним временам виртуальную любовь по интернет-чатам. А сейчас группа мужчин, включая моего отца, поедали мясо маленькой косули, вполне могущей оказаться именно той самой – «моей». Это стало первым «кровавым» пиршеством в моей жизни. В ту ночь, лежа на допотопной железной кровати в бабушкиной палатке, я заснул со слезами на глазах.

Утром я проснулся с мокрым лицом. Но то были не слезы. Ночью начался дождь. Для меня нет естественного, природного звука, точнее шума роднее и ближе, чем звук дождевых капель, барабанищих о брезентовую крышу палатки. Капля дождя, просочившись сквозь тугие нити палатки, разбилась на тысячи осколков и оросила мое лицо. Вот так наступило мое очередное счастливое утро в Карабахе...

Но ни этим днем, ни в другие дни я больше так и не встретил «свою» косулю.

*Октябрь, 2011
Хызы, Азербайджан*

Эссе из цикла «Люди и книги»

Пазл-мозаика сломанных судеб

О Светлане Алексиевич и ее книге «Время секонд хэнд»

Начну с того, что я не из числа обвиняющих членов Шведской Королевской Академии в преследовании неких «темных» целей. Они хорошо знают кому выдавать Нобелевскую премию. Я в свою очередь знаю, что премия в соответствии с волей ее учредителя дается литературе, завоевавшей успех с учетом политико-идеологических мотивов.

Я ждал награждения Светланы Алексиевич «нобелевкой» еще два года назад, когда ее имя входило в список кандидатов.

Будучи знакомым с ее биографией, темой ее книг, я ощущал некую близость к ее личности – имена других кандидатов ничего мне не говорили. То, что некогда мы являлись гражданами одной страны, схожесть судеб, несмотря на то, что впоследствии мы стали жить в разных странах – всё это, на мой взгляд, составляло основную причину этой близости.

Премия дана ей за пятитомную художественно-документальную хронику «Голос утопии», которую она писала на протяжении десятилетий. За то, что она воплотила масштабное историческое повествование из небольших рассказов «маленьких людей», повествующих о собственной судьбе.

Ее выступление на церемонии награждения, слова, сказанные на круглом столе, организованном Шведским каналом SVT-2 при участии других «нобелиатов», тронули меня за душу, как и каждого, кто ее слушал. Казалось, она говорит именно обо мне; о том, что мне пришлось услышать и увидеть, о моих воспоминаниях и мыслях, о моей судьбе.

На круглом столе Светлана Алексиевич провела замечательные параллели между писателем и журналистом, художественным произведением и публицистикой. Награждение ее «нобелевкой» было встречено неоднозначно – нашлись люди, назвавшие ее тексты «публицистикой» (Во время последней нашей Национальной Книжной Премии против автора этих строк тоже выдвигали подобные претензии за книгу «Чамайра. Кубинская тетрадь»). На все эти обвинения она ответила коротко и ясно:

«Да, у меня форма добычи материала „как бы журналистская“. Я выхватываю, очищаю. Когда у Родена спросили, как у него получаются такие скульптуры, он сказал: я беру кусок мрамора и отсекаю все лишнее. Вот я делаю то же самое. Так можно сказать, что и Роден каменотес».

На следующее после передачи утро я отправился в городскую библиотеку Карлскрона – города, в котором проживаю – и попросил русскоязычное издание книги Светланы Алексиевич. «Нет в наличии, но если хотите, можем заказать, это займет 3—4 недели», – сказали сотрудники библиотеки. И я попросил их об этой услуге. Азербайджанскому читателю может показаться странным, но в Швеции дела обстоят именно так – библиотека по желанию читателя может заказывать и покупать иностранные книги и включать их в свой фонд.

Месяц спустя на мой мобильный пришло сообщение: «Можете забрать книгу». Что я и сделал. «Время секунд хэнд» – только-только, дней 10 как издано в Москве.

Я дочитал книгу в снежный уикэнд. В ней слово за словом повествовалось устами самих героев о незнакомой мне теневой стороне нашей бывшей родины СССР, характерах граждан и их «сожалении об обретенной свободе» после распада империи.

...Интересной для нас книгу делает и то, что в пространственно-временных параллелях событий проглядывает прошлое и сегодня Азербайджана.

«Человек себя не знает, познал бы – испугался»

С первых же страниц книги читатель ощущает атмосферу «Шутки» Милана Кундеры. Схожесть проявляется в судьбе жителей одного и того же политико-идеологического пространства. А различие заключается в том, что герои Кундеры – обобщенные образы, Алексиевич же в своем произведении дала слово живым свидетелям.

Не буду отклоняться от темы, скажу лишь то, что «Шутка», как и другие произведения Кундеры, совершенный роман об уродливой роли, которую играют тоталитарные режимы в людских судьбах и духовности. Главный виновник горькой судьбы несчастных героев – социалистический режим! А во «Времени секунд хэнд» сотни таких героев, как в «Шутке». И эти сотни героев Алексиевич говорят также за миллионы людей, павших жертвами на пути социализма.

...При чтении кажется, что держишь в руках не книгу, а зеркало, не читаешь, а глядишься в зеркало, показывающее тебе твой же лик, связанных с тобой людей – от родного деда до родного ребенка. Зеркало, показывающее советскую и постсоветскую страну, где тебе выпало жить, людей, окружавших тебя в той стране.

Книга состоит из истин о судьбах людей, прожитых с самого возникновения и до распада СССР, истин, высказанных устами этих же людей. Автор появляется лишь эпизодически, и то, когда требуются пояснения, дополнительные примечания. Автор не вступает в диалог со своими героями, не вмешивается, а просто создает условия для их монолога.

А монологи вовсе не заурядны, это – признания-исповеди. У одного признания в своих прегрешениях – исповедь палача, у другого – показания свидетеля-жертвы, взволнованного наступившим наконец моментом раскрыть и показать собственное пустившее глубокие корни горе длиною в целую жизнь.

Мастерство писателя заключается в том, что ему удастся подвести героев к моменту исповеди, убедить их, создать духовный контакт, включить в свою ауру, чтобы те смогли морально облегчиться. **«Только советский человек может понять советского человека. Другому бы я рассказывать не стал...»**, – эти слова произносит не рядовой человек, а высокопоставленный кремлевский чиновник.

Талант Светланы Алексиевич заключается также в том, что она собирает как фрагменты пазла воедино эти портреты и сцены и создает полноценный образ советского человека!

«Обычная коммуналка... Живут вместе пять семей – двадцать семь человек. Одна кухня и один сортир. Две соседки дружат: у одной девочки пять лет, а вторая – одинокая. В коммуналках, обычное дело, следили друг за другом. Подслушивали. Те, у кого комната десять метров, завидовали тем, у кого она двадцать пять метров. Жизнь... она такая... И вот ночью приезжает «черный ворон»... Женщину, у которой маленькая девочка, арестовывают. Перед тем, как ее увели, она успела крикнуть подруге: «Если не вернусь, возьми мою дочку к себе. Не отдавай в детдом». И та забрала ребенка. Переписали ей вторую комнату... Девочка стала звать ее мамой... «мамой Аней»... Прошло семнадцать лет...

Через семнадцать лет вернулась настоящая мама. Она целовала руки и ноги своей подруге. Сказки обычно кончаются на этом месте, а в жизни была другая концовка. Без хеппи-энда. При Горбачеве, когда открыли архивы, у бывшей лагерницы спросили: «Вы хотите посмотреть свое дело?» – «Хочу». Взяла она свою папку... открыла... Сверху лежал донос... знакомый почерк... Соседка... «мама Аня»... написала донос...

Вы что-нибудь понимаете? Я – нет. И та женщина – она тоже не смогла понять. Пришла домой и повесилась. Я – атеистка. У меня к Богу много вопросов... Я помню... Я вспоминаю папины слова: «Лагерь пережить можно, а людей нет».

Книга полна подобными сценами горестной судьбы.

«Бог не знает, что такое быть маленьким человеком»

Homo soveticus не однополое существо, а подразделяется на два типа: «палачи» и «жертвы». Книга Алексиевич отличается от других советологических исследований тем, что в ней наряду с «жертвами» искренние признания приводят и «палачи».

Добавлю и то, что под «палачами» я подразумеваю не только обладающих внушительным стажем пыточных дел мастеров НКВД, КГБ, милицейских органов. В этот ряд я включаю и новый класс, о котором не заводят речь в книгах по советской истории – «класс номенклатуры». Истинная сущность этого нового класса, созданного советской политической системой из числа рабочих и крестьян, максимально подробно разбирается в книге М.С.Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза».

В середине 90-х годов во время одной из зарубежных поездок мой американский друг Ирена Ласота подарила мне экземпляр этой книги, изданной на русском языке в Лондоне. Я прочел ее на одном дыхании по пути в Баку.

С первых же дней большевицкая революция создает внутри партии прослойку советского общества с особыми привилегиями. Эта прослойка, в течение последующих процессов укрепившая свою позицию и, наконец, превратившаяся в господствующий класс, обособляет себя от народа. Новый класс с внутренней цепной взаимосвязью от самых отдаленных деревень и до самого Кремля выстраивает внутри себя специфический социальный барьер, чиновничью иерархию. Данный номенклатурный класс порой называли «партократией», «политической бюрократией».

В первой главе книги Алексиевич, главе, названной «Утешение апокалипсиса», советский человек второго типа – «жертвы» своими признаниями со всей тонкостью обрисовывают истинное лицо социалистической системы. Перед глазами читателя оживают простые люди, приподнявшиеся на цыпочках и устремившие взгляд в будущее – коммунизм, обещающий счастливую жизнь. Но жизнь подходит к концу, а то самое счастливое будущее никак не наступает.

«Росли нищими и наивными, но об этом не догадывались и никому не завидовали... Верили, что завтра будет лучше, чем сегодня, а послезавтра лучше, чем вчера. У нас было будущее. И прошлое. Все у нас было!»

Единственным утешением переставших надеяться на коммунизм оставался Апокалипсис. В день Страшного Суда воцарится Божественная Справедливость! Надежда бессильной жертвы, нигде не находящей защиты, остается лишь на Бога и Его гнев против палачей.

А как быть если для Бога палач тоже является жертвой?!

«Ты думаешь, что Бог есть?» – «Если Он есть, то смерть – это еще не конец. Я не хочу, чтобы Он был», – говорит один из миллионов, ощущающих себя в лагерных бараках всего лишь пылинкой.

Самая страшная страница истории та, где справедливость остается круглой сиротой!

...Автор раскрывает в книге человеческий характер порой одной фразой, одним абзацем, а порой целой главкой. Читателю кажется, что каждый из фрагментов пазла – это человеческий лик и судьба.

16-летняя Роза была еврейкой. Командиры партизанского отряда каждую ночь по очереди ее насиловали. Фашистская пропаганда воздействовала и на коммунистов. С евреем и еврейкой можно было делать всё, что угодно... Когда прознали, что Роза забеременела, ее отвели в лес и расстреляли.

87-летний Василий Петрович стал членом партии еще в 1922-м году. Рассказывает, что когда он невзирая на слезы пожилых женщин и взрывал церковь, чтобы построить на ее месте общественный туалет, вынуждал священников чистить тот самый туалет, то считал всё это верностью идее коммунизма. **«Вместо икон – портреты Ленина и Маркса».** В 37-м году сначала арестовали жену, потом его самого. Пытали не переставая в течении года. Когда арестовывали прежних мучителей, их заменяли новоприбывшие.

Вот воспоминания старого коммуниста, относящиеся к его пятнадцатилетнему возрасту: **«Мне было пятнадцать лет. Приехали к нам в деревню красноармейцы. На конях. Пьяные. Продотряд. Спали они до вечера, а вечером собрали всех комсомольцев. Выступил командир: «Красная армия голодает. Ленин голодает. А кулаки прячут хлеб. Жгут». Я знал, что мамкин родной брат... дядька Семен... завез в лес мешки с зерном и закопал. Я – комсомолец. Клятву давал. Ночью я пришел в отряд и повел их к тому месту. Нагрузили они целый воз. Командир руку мне пожал: «Расти, брат, скорей». Утром я проснулся от мамкиного крика: «Семенова хата горит!». Дядьку Семена нашли в лесу... порубили его красноармейцы шашками на куски...».** Впоследствии в 37-м году его самого арестовали как врага народа.

«В лагере до трех лет я жила вместе с мамой. Мама вспоминала, что маленькие дети часто умирали. Зимой умерших складывали в большие бочки, и там они лежали до весны. Их обгрызали крысы. Весной хоронили... хоронили то, что оставалось... С трех лет детей у матерей забирали и помещали в детский барак».

Ужасная исповедь палача НКВД: «...Работа такая... С чем сравнить? Сравнить можно с войной. Но на войне я отдыхал. Расстреливаешь немца – он кричит по-немецки. А эти... эти кричали по-русски... Вроде свои... В литовцев и поляков было легче стрелять. А эти – на русском: „Истуканы! Идиоты! Кончайте скорее!“ Ё..! Мы все в крови... вытирали ладони о собственные волосы... Иногда нам выдавали кожаные фартуки... Работа была такая. Служба. Молодой ты... Перестройка! Перестройка! Верись болтунам... Пусть покричат: свобода! свобода! Побегают по площадям... Топор лежит... топор хозяина переживет... Запомнил! Ё..! Я – солдат! Мне сказали – я пошел. Стрелял. Тебе скажут – ты пойдешь. Пой-де-о-шь! Я убивал врагов. Вредителей! Был документ: приговорен „к высшей мере социальной защиты“... Государственный приговор... Работа – не дай бог! Недобитый, он упадет и визжит, как свинья... харкает кровью... Особенно неприятно стрелять в смеющегося человека. Он или сошел с ума, или тебя презирает. Рев и мат стояли с обеих сторон. Есть перед такой работой нельзя... Я не мог... Все время хочется пить. Воды! Воды! Как после перепоя... Ё..! К концу смены нам приносили два ведра: ведро водки и ведро одеколона. Водку приносили после работы, а не перед работой. Читал где-нибудь? То-то... Пишут сейчас всякое... много сочиняют... Одеколоном мылись до пояса. Запах крови едкий, особенный запах... на запах спермы немного похожий... У меня была овчарка, так после работы она ко мне не подходила. Ё..! Что молчишь? Зеленый еще... необстрелянный...».

«Топор хозяина переживет...»

Всем режимам рано или поздно наступает конец. Одни, будто пытаясь провести смерть, меняют обличье и еще немного остаются в живых, другие – умирают мгновенно. Вторая часть книги, часть под названием «Обаяние пустоты» охватывает период от полных хаоса, голода, страха, неверия, сожаления 90-х годов и до наших дней. Рассказывают советские люди постсоветского периода.

...Написано немало философско-социологических трактатов, анализирующих характер, сущность, мировоззрение *Homo soveticus*. Понять, прочувствовать этот новый человеческий тип, созданный коммунистами, не так-то просто, в особенности для западных исследователей.

Когда я работал в Центре Плюрализма «Инам», посольство США доверило нам перевод и издание книги «Либерализация и ленинское наследие» (Beverly Crawford and Arend Lijphart, *Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions*). Книгу на азербайджанский перевел покойный Техран Велиев, а редактором оказался я сам. Это была интересная книга, анализирующая созданного коммунистической системой человека и наследие, носителем которого тот являлся.

Книга Светланы Алексиевич совершенно иная. Она не написана научным исследователем либо группой социологов. Эту книгу написали сами люди, жившие в эпоху коммунизма, их дети, являющиеся носителями «ленинского наследия».

Жить в горести и страданиях – человеческая трагедия, но гораздо страшнее узреть, что идеи, которые ты считал общечеловеческими и потому посвятил им свою жизнь, в итоге напоминают зловонную водную пену, скопившуюся в резервуаре – узреть и сойти от этого с ума.

В точности как советский маршал Сергей Ахромеев. Когда в августе 1991-го года ГКЧП явило всю ничтожность идеи, сотрясавшей мир, Ахромеев повесился в Кремле. Оказывается, идея, ради которой миллионы добровольно жертвовали жизнью, была всего-навсего иллюзией, а судьбы, переполненные страданием, бессмысленными. Оказывается, у истины есть еще и такой ужасный лик! Один из близко знавших Ахромеева людей отрицает версию убийства, говорит **«...почему он ушел? Его страна ушла, и он ушел вместе с ней, он больше себя здесь не видел».**

Смерть маршала армии численностью в четыре миллиона прошла в гробовой тишине, на родине не нашлось ни одного человека, который откликнулся бы некрологом на его смерть. «Правда» молчала! Вот что говорит кремлевский чиновник:

«Понятие чести? Не задавайте наивных вопросов... Нормальные люди выходят из моды... Статья-некролог появилась в американском журнале „Тайм“. Написал ее адмирал Уильям Кроув, занимавший во времена Рейгана пост председателя Комитета начальников штабов США (соответствует нашему начальнику Генштаба). Они много раз встречались на переговорах по военным вопросам. И он уважал Ахромеева за его веру, хотя она ему была чужая. Враг поклонился...».

Неделю спустя мародеры раскопали его могилу и сняли с тела тяжелый от золоченых орденов и медалей маршальский мундир. А в это время новый военный министр насильно выдворял из квартиры жену находящегося в заключении бывшего министра – чтобы завладеть жилым помещением!

Я говорю о двух типах советских людей. Да и сама советская ментальность была двух типов – ментальность «большевика – палача – номенклатурщика» и ментальность простодушного советского гражданина, искренне желающего «мира во всем мире». Это не две стороны одной медали, это сыновья-близнецы, рожденные одной матерью – священник и преступник...

«Социализм кончился. А мы остались»

Семидесятилетняя история советской эпохи – это история переселения людей из роскошных домов в бараки, из бараков в коммуналки, а оттуда в «хрущевки».

Единственным свободным уголком во всем Союзе были крохотные кухоньки «хрущевок».

«В девятнадцатом веке вся русская культура жила в дворянских усадьбах, а в двадцатом – на кухнях. И перестройка тоже. Вся „шестидесятническая“ жизнь – это „кухонная“ жизнь. Спасибо Хрущеву! Это при нем вышли из коммуналок, завели личные кухни, где можно было ругать власть, а главное – не бояться, потому что на кухне все свои. Там рождались идеи, прожекты фантастические. Травили анекдоты...».

Масштаб переселения после краха Союза тоже оказался огромным. Если один путь вел из «союзных республик» в московские подвалы – к рабской жизни, то другой – в Европу, Америку – в поисках «счастливых грез».

В 90-х годах на фоне неосуществленных надежд после горячки обретения свободы начинается иная трагедия людей. *«Мое время кончилось раньше моей жизни. Надо умирать вместе со своим временем. Как мои товарищи...»*

Слова советских интеллектуалов, заживших жизнью отверженных, напоминают написанное в те же годы стихотворение Фаимиля Мехди «Попрошайничай, профессор, не стесняйся, попрошайничай!»:

«Где те красные дипломы, где?
К чему держать их дома?!
Порви их на мелкие кусочки, выбрось, растопчи.
Сожги свои книги и рукописи тоже.
Кому теперь ты нужен, кому они нужны?»¹

Алексиевич тоже пишет в своей книге:

«Но они не востребованы. Социальные лифты не работают. А что значат десять-пятнадцать лет для интеллектуального человека, когда он бездействует, не востребован, парализован в своей главной специальности... Приехав через десять лет в Минск, я была поражена тому, сколько друзей умерло. Они умерли оттого, что у них украли время. Законсервировали в прошлом. Сначала украли вообще Время, а потом и их личное время».

Разве не знакомая картина? Столько наших интеллектуалов, обладающих чистой совестью мыслителей «осело» в «социальные подвалы» общества, преждевременно умерло. **«Согласно теории Дарвина выживают не сильные, а наиболее приспособленные к среде обитания».** Те, кому не удалось приспособиться, не остались в живых, пройдя сквозь тиски Нового Времени.

Истинный лик Истории – это не то, что пишут историки, а то, что рассказывают ее живые свидетели. В книге присутствуют признания и стенания сотен других жертв идей коммунизма.

Я решил отобрать некоторые цитаты и включить их в текст в переводе на азербайджанский. Большинство рассказчиков в книге русские, но их слова можно отнести к гражданам большинства бывших советских стран. Читатель легко заметит сходства с постсоветским современным Азербайджаном.

*...«**Поверили, что вот сейчас... уже стоят на улице автобусы, которые повезут нас в демократию».***

*...«**Дело не в Ельцине и не в Путине, а в том, что мы – рабы. Рабская душонка! Рабская кровь! Посмотришь***

¹ Подстрочный перевод

на „нового русского“... Он из „бентли“ вылезает, у него деньги из карманов сыплются, а он раб».

...«за пять лет в России может поменяться все, а за двести – ничего. Просторы необъятные, и при этом психология рабов...».

...«За нефть и газ демократию не купишь, и ее не завезешь, как бананы или швейцарский шоколад. Президентским указом не объявишь... Нужны свободные люди, а их не было. Их и сейчас нет».

...«Общество боится правды о себе».

...«Нет зверя хуже человека. Это человек человека убивает, а не пуля. Человек человека...».

...«Я слишком долго жила при социализме. Сегодня жить стало лучше, но противнее».

...«Русские романы не учат, как добиться успеха в жизни. Как стать богатым... Обломов лежит на диване, а герои Чехова все время пьют чай и жалуются на жизнь...».

...«Где-то же хранятся все наши слезы...».

...«Волосы сходят с ума первыми...».

...«Если бы кто-нибудь нам сказал тогда, что президентом страны станет подполковник КГБ...»

...«Настолько мы были все зомбированные. Я советского человека выдавливала из себя годами, ведрами вычерпывала», говорит один из героев книги, добившийся успеха в годы независимости. Много ли таких? Верно ли он говорит? Так ли легко стереть память, освободиться от привычек?

...«Совка»: злой, как собака, а молчит, как рыба», говорит герой Алексиевич. Намного ли изменился этот человек? Взглянем-ка на окружающих, да хоть на свое лицо в зеркале. Может, постсоветский человек это тот же самый человек советский? Вместе со своими «палачами» и «жертвами»...

Смогли ли мы за двадцать пять лет освободиться от «ленинского наследия»?

Премия, к тому же Нобелевская премия, вне сомнений, мерило писательского успеха. Но для меня главный критерий – талант и смелость писать правду без всяких украшательств. Книга Светланы Алексиевич показалась и оказалась для меня родной еще и по этой причине.

*Март, 2016
Карлскрона, Швеция*

Привет, Гульсары! *Встреча у шведского букиниста*

Мне нравится бродить по лесным тропинкам Швеции, сидеть у побережья озер и наблюдать покрывающиеся рябью отражения деревьев в воде.

Общение леса с озером напоминает беседу влюбленных, близких людей, доверившихся друг другу. Окаймленное лесом небольшое озеро походит на малютку в объятиях матери, напевающей колыбельную. Если каждый, кто умеет слушать сердцем, обратит внимание, то сможет расслышать эти колыбельные-беседы.

Достаточно лишь дуновения ветерка! И тебе чудится: этот ветерок – дирижер оркестра, состоящего из миллионов листьев, и этот дирижер приводит их в движение легким взмахом руки. Удивительно, в оркестре, состоящем из миллионов исполнителей, ни один лепесток не сбивается со своей партитуры – все играют воздушное произведение ровно по нотам.

Шепот и робкое дыхание леса можно расслышать ухом и можно увидеть глазами как нежный ветерок проходится лаской по водной глади озера. Гладь озера трепещет как грудь юной девушки, только-только изведавшей любовь. Эти волны и биения – танцующие в воде ноты шепота-симфонии листьев. Кажется, будто созерцаешь прекрасный танец на сцене...

В Швеции у меня есть и другое излюбленное занятие – копаться в тех отделах «Секонд хэндов», где выставлены на продажу старые книги, видео и аудио кассеты, пластинки, картины. Книги тут обычно на шведском. Редко можно натолкнуться на иноязычную книгу, чаще на англоязычную. Мой шведский и английский не дотягивают до того уровня, чтобы получить удовольствие от прочтения художественных произведений, однако данный факт совершенно не мешает мне часами бродить среди книжных развалов.

Книги как музыка, если даже слов не понять, дух всё равно уловишь. Если от сердца споешь хорошую песню, тебя поймет и тот, кто не знаком с твоим родным языком. Однажды на Кубе при великолепном расположении духа я так самозабвенно спел песню «Ай Лачин», что находящиеся в комнате кубинцы покачивали в такт головой с приятной улыбкой на лицах – они всё прочувствовали и поняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.